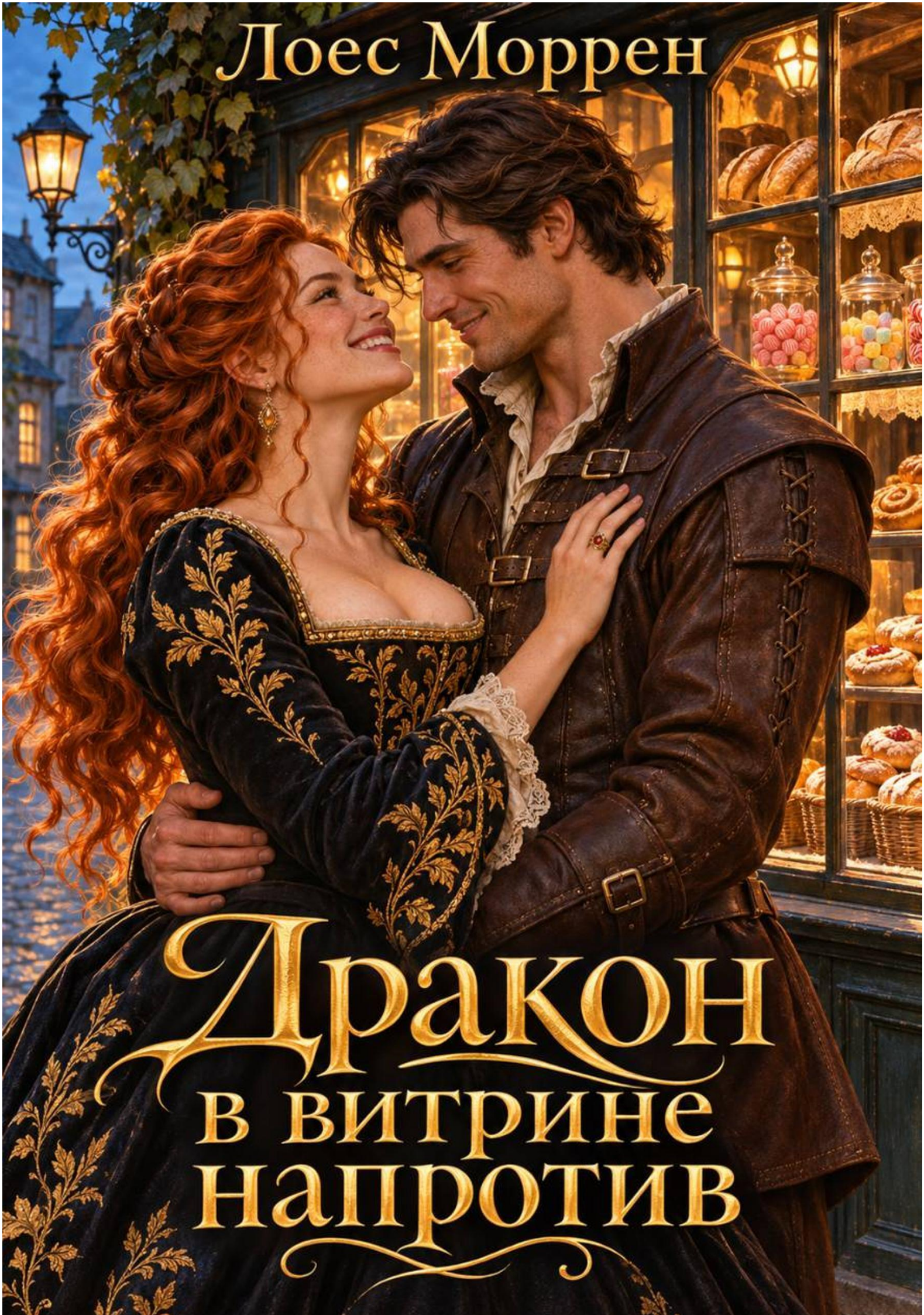
Лоес Моррен
Дракон
в витрине
напротив

Лоес Моррен

Дракон в витрине напротив

«Автор»
2026

Моррен Л.

Дракон в витрине напротив / Л. Моррен — «Автор», 2026

Арктур оставлял у моей двери тёплый хлеб, а я отвечала кислыми яблочными леденцами. Так мы ухаживали друг за другом, ни разу не сказав здравствуй. Я ведьма с улицы ведьм, он дракон-пекарь с улицы драконов, а между нашими окнами всего несколько шагов, на которые у меня никак не хватало смелости.Когда его пекарню закрыли за долги, я наконец перешла улицу. Предложила Арктуру половину своего прилавка и целую полку для булочек. А потом он позвал меня на чай в городской сад, согрел мои озябшие пальцы в своих ладонях, и я сама его поцеловала.Теперь мне хочется написать на вывеске оба наших имени и знать, что вечером мы пойдём домой вместе. Только по городскому уставу ведьма и дракон не могут делить ни прилавок, ни брачную грамоту. И если я сумела первой поцеловать Арктура, может, у меня хватит смелости спросить у самого короля, почему нам нельзя пожениться.

© Моррен Л., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 11
Глава 3 17
Конец ознакомительного фрагмента. 19

Лоес Моррен
Дракон в витрине напротив

Глава 1

Чтобы увидеть, как Арктур месил тесто, нужно было открыть ставни до первого удара рыночного колокола. Позже он зажигал лампы над прилавком, и в стекле отражалась вся наша улица, вплоть до вывески повитухи на углу. Я знала это наверняка, потому что за осень ни разу не опоздала с открытием.

В то утро он стоял у окна, закатав рукава до локтей, и продавливал тесто основанием ладони. Поворачивал, складывал, снова нажимал, и под его руками тяжёлый кусок становился гладким, как речная галька. Если я слишком долго смотрела на его пальцы, то начинала гадать, всегда ли у драконов такие тёплые руки, как считают дети, и справедливо ли судить обо всех драконах столицы по одному пекарю.

Когда Арктур потянулся за мукой, тесёмка его фартука лопнула. Он прижал свисающий конец локтем, другой рукой затянул узел и вскинул голову, точно услышал, как я за него обрадовалась. Потом чуть приподнял подбородок.

Я тотчас наклонилась, чтобы проверить вывеску, хотя висела она ровно со времён моей матери. На букве «С» в слове «Сладости» обнаружилась паутинка, и я сняла её с таким старанием, будто от этого зависела моя торговля. Когда я выпрямилась, Арктур уже складывал тесто в миску, но краешек рта у него всё ещё подрагивал.

Первой в тот день пришла госпожа Тавен, которая брала у меня мятные капли для голоса и всякий раз забывала дать им растаять. Она остановилась на пороге, расстегнула ворот и оглядела улицу с видом женщины, только что разрешившей давний спор. Потом нарочно посмотрела на окно напротив.

— Вы всё раньше открываете ставни, Эйра. Вчера я как раз шла мимо с корзиной белья и ещё подумала, что трудно найти ведьму, которая так радуется рассвету. Скажите, у вас здесь покупатели из тех, кто до колокола гуляет, или вы просто любите поглядеть, как город просыпается?

— У меня сироп плохо остывает с закрытыми ставнями, — сказала я и поставила на весы гирьку. Мать требовала держать окна закрытыми, пока сироп остывал, чтобы в сладости не летела уличная пыль. Хорошо, что госпожа Тавен ни разу в жизни не варила леденцов.

— Да, сироп у вас нынче капризный, — согласилась она. — Особенно с тех пор, как пекарь вынес стол к окну. Отвесьте мне, пожалуйста, побольше мяты, сегодня у моей невестки день стирки и мне придётся дважды объяснить ей, как вывешивать простыни.

Я насыпала ей капель с горкой и выждала, пока она доберётся до угла. Уже взявшись за ручку двери, чтобы поставить на крыльцо меловую доску, я увидела у притолоки плоскую корзину. Над краем поднималось знакомое белое полотенце с узкой синей полосой.

Хлеб оказался горячим даже сквозь ткань, и мне пришлось подхватить его обеими ладонями. По корке шли три косые насечки, такие же, как на буханках в пекарне напротив, только здесь средняя была чуть глубже, и из неё пахло поджаренной мукой. Я не знала, когда Арктур успел перейти проезд, и поймала себя на том, что опять смотрела в его окно, словно он мог это объяснить с другого берега мостовой.

Он стоял спиной ко мне и перевешивал длинную лопату на крюк. Мне хватило бы времени поднять корзинку, поблагодарить хотя бы жестом и отойти, пока он решал, ответить ли мне. Вместо этого я унесла хлеб в подсобку и отломила уголок, прежде чем нашла нож.

Подарки появлялись у двери с конца лета, обычно в те дни, когда Арктур пробовал новый сорт хлеба или пёк булочки с пряными семенами. В первый раз я обошла пол-улицы, выясняя, кто оставил мне сдобный венок, и остановилась только тогда, когда увидела точно такой же у него в витрине. С тех пор мы ни разу не поговорили, зато я уже знала, что свою первую буханку за день он ставил на нижнюю полку: оттуда её легче было доставать для детей.

Я завернула остаток хлеба и достала из шкафа свою ответную корзинку. На ручке разошлись два прута, и, если брать её с неудобной стороны, один царапал палец. Я подвязала к ручке зелёную ленту, чтобы Арктур взялся там, где прутья ещё держались, и подумала, что нынче ему пора попробовать мои кислые яблоки.

Я придумала эти леденцы после осенней ярмарки, на которой Арктур купил себе мешочек орехов в сахаре. Он прожевал один, медленно насупился и так осторожно свернул мешочек, будто обещал продавщице съесть всё и намеревался помнить своё обещание до конца жизни. Минуту спустя я видела, как он раздал орехи детям, а себе выбрал с лотка яблоко, маленькое и зелёное, с пятнами на боку.

В котелке у меня как раз поспевала новая партия. Мать учила проверять сироп в чашке с холодной водой, а меня с детства щекотало под ногтем большого пальца за миг до того, как капля делалась ломкой. Когда яблочный сироп дошёл, я сняла котелок с огня и отлила себе пробу в виде кривого листа.

Лист хрустнул так громко, что я оглянулась на дверь. Сладость обманула меня ровно на мгновение, затем во рту выступила такая кислинка, что сжались щёки. Я выбрала из форм самые тонкие леденцы и пересыпала их в бумажный кулёк, чтобы Арктур, если захочет, мог раскусить конфету сразу.

Я собралась перейти улицу, пока первые покупатели разбирали мелкую сдобу у входа в пекарню, но у двери обнаружились две женщины, обсуждавшие цену на дрова. Пришлось дождаться, пока одна вспомнит, что оставила дома печную заслонку открытой, и уведёт другую с собой. Когда крыльцо освободилось, я поставила корзинку у двери, шагнула за угол пекарни и лишь тогда увидела, что зелёная лента зацепилась за пуговицу на моём рукаве.

Жаль было её бросать, она осталась от целого рулона, которым мать когда-то перевязывала мои волосы. Я пошла обратно, чтобы закрепить ленту там, где собиралась, и сквозь стекло увидела Арктура с корзинкой в руках. Он успел развернуть кулёк, взял один прозрачный листок за черешок и поднёс к губам.

От первого хруста на его щеке дёрнулась мышца, и я чуть не выскочила из-за угла, чтобы предупредить про кислый сок. Потом он улыбнулся, поднял кулёк к свету и выудил оттуда ещё один леденец. У входа уже звякнул колокольчик, и, прежде чем обернуться к покупателю, Арктур сложил кулёк и спрятал его в карман фартука.

Я вернулась к себе с лентой, намотанной на палец до синевы. Мира сидела за прилавком на моём высоком табурете и листала книгу заказов с конца, как всегда делала со всем, что ей попадалось в руки. Из её чайной по соседству пахло тёплым молоком и гвоздикой, а к рукаву у неё прилипла тонкая стружка от новой полки.

— Я пришла сказать, что у меня закончились твои лимонные подушечки, — сообщила она. — Думала, застану тебя за работой, а застала конец романтической сцены. Сколько лет эти две корзинки будут вести разговор вместо хозяев?

— Он берёт мои конфеты, а я беру его хлеб. По-моему, для такого дела мы оба прекрасно обходимся без лишних слов. Тебе подушечки взвесить или ты сегодня пришла за чем-нибудь с перцем?

— Взвесь, пожалуйста, и добавь перца себе, если поможет, — сказала Мира. — Эйра, ты хоть знаешь, какой у него голос, когда ему не приходится кричать, что у него осталась одна буханка? Я как-то заходила за хлебом к ужину и могу тебе сообщить, что он вполне способен разговаривать тише.

— Конечно, способен, у него же пекарня, а не пристань. И я бы с ним поговорила, если бы он хоть раз постучался ко мне в дверь. Трудно пригласить человека войти, когда к твоему приходу он уже на своей стороне улицы.

Мира взяла у меня с ладони ленту и, пока я ставила на весы коробку, завязала её бантом на моей косе. Сказала, что дверь пекарни, насколько ей известно, тоже открывается в обе стороны. Я велела ей перестать вертеть головой, иначе пришлось бы пересчитывать подушечки, а за весами увидела, что отвесила ей почти двойную порцию.

Когда Мира ушла, я дважды произнесла вполголоса «доброе утро», сначала как хозяйка лавки, потом так, как сказала бы это человеку, которого рада видеть. Во второй раз вышло тише, чем я собиралась, зато без той улыбки, от которой у госпожи Тавен появлялось по три новых вопроса. Я решила, что завтра подниму ставни, дождусь, пока Арктур посмотрит, и наконец с ним поздороваюсь.

До завтрашнего утра оставалось упаковать восемь заказов и дождаться человека, которому понадобились шоколадные сливы к годовщине свадьбы. Он явился чуть раньше условленного, с мокрым от тумана воротником и пустой подарочной коробкой под мышкой. На крышке фиолетовыми чернилами было выведено имя жены, а под ним тем же неуверенным почерком стояло «снова бы на тебе женился».

— Можно положить сюда ещё хлеба, того, с хрустящей коркой, который пекут напротив? — спросил он, вытаскивая из коробки лишнюю бумагу. — В наш первый совместный завтрак ей досталась горбушка с повидлом, а мне одна тарелка, потому что я проспал. Она до сих пор говорит, что лучшего свадебного подарка у нас не было.

Я уже прикинула, как уложить сливы вдоль стенки, чтобы между ними осталось место для небольшой буханки. Он попросил записать и хлеб к счёту, пока сам сбегает за цветами, и я потянулась за пером. Тут над его локтем появилась рука в серой перчатке и придержала раскрытую книгу.

— Ваша жена, наверное, захочет получить подарок и в следующем году, — сказал Орвен, старшина хлебного ряда. — Поэтому попросите госпожу Эйру записать одни сливы, а хлеб купите сами. Иначе к следующей годовщине её книга заказов может оказаться у меня на полке.

Он снял руку и отступил, давая покупателю место у прилавка. Человек с коробкой покосился на меня и поспешил объяснить, что ему всё равно, кому платить, лишь бы дома за завтраком опять досталась хоть половина горбушки. Я сказала, что заверну конфеты отдельно и пока он сходит за хлебом, не стану перевязывать коробку.

— Благодарю, — ответил он и разгладил рукав там, где ухватился за него в замешательстве. — А через проезд сейчас можно пройти? У нас на углу все говорят разное, хотя большой фонарь у перекрёстка один на обе улицы.

— Проходите, сколько хотите, — сказал Орвен. — Покупать через улицу можно, а у ведьмы и драконьего пекаря разные торговые дозволения. Вам нужна одна покупка на двоих мастеров — дождитесь королевской ярмарки, у неё свой устав.

Когда покупатель вышел, я положила ножницы на прилавок и слишком сильно потянула ленту, так что она впилась в край коробки. Орвен провёл взглядом по моей медной табличке у двери, проверил, читается ли номер, и стёр перчаткой полоску грязи. Мать сама прибила эту табличку, и прежде я любила сквозь стекло смотреть, как она краснела на солнце.

— Любопытно, как моя лавка могла бы навредить столице одной буханкой, — сказала я. — Не думаю, что сливы сговорились бы с хлебом и подожгли коробку. А человеку из-за одной коробки приходится расплачиваться в двух разных дверях.

— Если у вас над печью пойдёт дым, я приду выяснить, кто её топил и по какому дозволению, — ответил Орвен. — После пожара на старом рынке люди спорили, кто отвечал за общую печь, пока остывали кирпичи. У меня брат остался под теми кирпичами, так что мне спокойнее, когда у каждой печи есть имя.

Я знала, что на поминальный день Орвен заказывал у Миры чай на две чашки, но о брате от него услышала впервые. Слова о коробке показались мне глупыми, и всё же я не понимала, зачем разделять прилавки, если речь шла о печи. Пока я подбирала, как задать этот вопрос, он уже надел вторую перчатку и вышел на улицу.

Покупатель вернулся с буханкой и попросил меня придержать крышку, пока он уложит хлеб поверх слив. Горбушка выступала наружу, зато надпись осталась открытой, когда мы перевязали коробку бечёвкой. Он ушёл довольный, и мне хватило одного взгляда на открытую книгу, чтобы увидеть пустую строку там, куда утром собиралась вписать хлеб.

Уже за полдень Орвен снова прошёл мимо моих окон, на этот раз с незнакомцем в коротком дорожном плаще. Арктур впустил их, отодвинул корзины от печи и остался стоять у прилавка, пока незнакомец брал мерки сперва с дверцы, а потом с боковины. Я ждала, что пекарь подойдёт показать заслонку или объяснить, где лежат дрова, но он положил руки на стол и оставил их там, пока оба человека не ушли.

Наутро я открыла ставни ещё раньше, чем накануне, и встала так, чтобы мне было видно стол пекаря. Приветствие я больше не репетировала, только поправила ворот платья и отодвинула от окна ступку, за которой могла бы укрыться, если бы передумала. Ставни напротив оставались закрытыми.

Пока били к открытию рынка, я разложила в банках карамель, дважды пересчитала сдачу и переставила ближе к окну миску с яблоками. Обычно к этому часу Арктур уже вынимал из печи мелкие булочки, и уличные голуби сходились к его крыльцу. Сегодня они поклевали что-то между камней и всей стаей перебрались к ступеням Мириной чайной.

К полудню в мою лавку трижды заходили спросить, где хлеб. Женщина в дорожных башмаках решила, что Арктур проспал, старик с палкой рассудил, что пекарю тоже надо отдыхать, и оба обещали вернуться ближе к вечеру. От их уверенности мне стало легче ровно до тех пор, пока я не вспомнила, как вчера незнакомец примерял мерную ленту к дверце печи.

Потом пришёл посыльный травницы за засахаренным имбирём, и я, пока он отсчитывал монеты, пару раз вполголоса начала «доброе утро». Мальчишка решил, что я обращалась к нему, и вежливо сказал, что утро вышло паршивое, зато к вечеру, глядишь, распогодится. Я дала ему кусочек имбиря попробовать и пожелала удачи с погодой.

К закрытию у пекарни остался только мальчик лет девяти в шерстяной шапке, которую ветер то и дело стаскивал ему на глаза. Я видела его там и раньше, Арктур всегда подавал ему один и тот же круглый хлеб с тремя надрезами. В этот раз мальчик сидел на ступеньке и перекладывал из руки в руку медяки, точно ещё мог найти такую сумму, за которую дверь открылась бы.

— Госпожа Эйра, а вы знаете, когда он придёт? — спросил он, когда я вышла убрать доску. — Бабушка с утра сказала идти после обеда, чтобы я не принёс слишком горячий. У неё зубы болят от горячего, а твёрдый хлеб она теперь и вовсе не ест.

— Я сегодня его не видела и не знаю, когда он придёт, — ответила я. — Ты проходи, согрей руки, а я посмотрю, что есть у меня. Скажи только, твоя бабушка любит горбушку или ей лучше отрезать середину?

Он обрадовался раньше, чем я договорила, и поперёк проезда едва не угодил под колёса тележки молочника. У моего порога поймал шапку и сказал, что бабушка режет мякиш в суп, а горбушку ему разрешает съесть прямо по дороге. Я усадила его на табурет и ушла за остатком вчерашней буханки.

Там, где я вчера отломила себе кусок, мякиш уже зачерствел. Я срезала этот край тонким ломтем, снова завернула хлеб в полотенце и вынесла мальчику. Он прижал свёрток к груди и протянул мне все свои медяки, разом ссыпав их в раскрытую ладонь.

— Отдай их бабушке, — сказала я, складывая его пальцы вокруг монет. — Эту буханку пекарь уже подарил мне, а теперь я дарю её вам. Только передай бабушке, что сегодня ей придётся поделиться горбушкой с хозяйкой лавки, потому что я свою половину вчера съела.

Он посмеялся и согласился передать всё слово в слово. Перед тем как убежать, мальчик спросил, можно ли ему завтра подождать пекаря у моего окна, где меньше дует. Я показала, с какой стороны крыльца встать, и постояла у двери, пока шапка не исчезла за поворотом.

Потом я наконец перешла улицу и поднялась на крыльцо Арктура. Прежде я никогда не трогала его дверного молотка, потому что корзинки оставляла снаружи, пока никто не видел. Кованое кольцо было тяжёлым, и после первого удара я прижала его ладонью, чтобы оно не дребезжало.

— Арктур, это Эйра, из лавки напротив. Я видела вчера людей у вашей печи и хотела спросить, всё ли у вас в порядке. Если вам сегодня некогда, можете потом зайти ко мне, я почти всегда дома после закрытия.

За дверью никто не шевельнулся, даже половица не скрипнула. Я подождала ещё, глядя под ноги, и заметила в щели на ступени уголок обёртки от моих леденцов. Бумага отсырела, расползалась в пальцах, и я сунула её в карман, прежде чем вернуться через улицу.

На второй день я оставила дверь лавки на щеколде и обошла ближайших соседей, пока те ещё не увязли в торговле. Медник слышал, что у Арктура кто-то заболел, молочник уверял, будто пекарь уехал за новой печью, а цветочница видела его на рассвете в таком месте, где, если верить ей же, стояла другая женщина с его корзиной. Точнее всех оказалась повитуха: она собственными глазами видела, как ранним утром к двери пекарни прикрепили печать.

Я вернулась через проезд и поднялась на знакомые ступени. На новой бечёвке от дверного молотка до косяка висел тёмно-красный комок воска, и на нём проступали весы с опущенной чашей. Вчера я могла постучать, сегодня мне оставалось прикинуть, в какую сторону ушёл человек, который ещё позавчера приподнимал подбородок, глядя прямо на меня.

Орвен нашёлся у соседнего крыльца, где пересчитывал мешки с мукой для лавки лепёшек. Я дождалась, пока последний мешок унесут под крышу, и спросила, кто поставил печать на двери. Он закрыл свою тетрадь и сунул карандаш в карман, словно знал, что разговор займёт больше времени, чем ему хотелось.

— Пекарню опечатали за долг, — сказал он. — Всё, что вам нужно знать для вашей торговли, я сейчас сказал. Если вы пришли за тем, что нужно знать вам самой, эту часть лучше спросить у Арктура.

— Я вчера уже стучала, — ответила я. — Я к вам потому и пришла, что вчера видела вас у него вместе с тем человеком, который мерил печь. Мне бы хватило одного адреса, даже если там никто не откроет.

— Адреса, по которому его наверняка можно застать, у меня нет, — сказал Орвен. — А рассказывать вам о его долге у меня столько же права, сколько ему было бы рассказывать о вашем. Если он зайдёт за бумагами, я передам, что вы спрашивали.

Мне хотелось сказать, будто я беспокоилась только о покупателях, которые по привычке шли за хлебом. Я так и начала, но увидела за плечом Орвена опущенные ставни пекарни и вспомнила, как вечером рассказывала закрытой двери, что бываю дома. Я поблагодарила его за обещание передать мои слова и пошла открывать лавку.

В ожидании первых покупателей я растопила сахар для мятных капель и держала котелок на огне, пока прикосновение деревянной ручки не отозвалось знакомой щекоткой под ногтем. Потом всё равно опустила каплю в холодную воду, как учила мать. Хотелось, чтобы хоть на один вопрос за утро получилось ответить, просто вынув из воды застывшую карамель и разломив её пальцами.

Мира пришла перед закрытием с кипой чистых салфеток и мешком, в котором гремели чашки. Она велела мне придержать дверь, протиснулась боком и поставила чашки на прилавок

рядом с мятой. Потом вытащила из-под салфеток две горячие лепёшки и одну молча подвинула ко мне.

— Завтра у меня чайный шатёр на столичной ярмарке, — сказала она, когда я взялась за лепёшку. — Пока я грею воду, нужны ещё две руки, чтобы подавать чашки и следить за сдачей. Сможешь помочь до вечера, если на твою дверь мы повесим объявление?

— Сможешь ты один день пережить без моих лимонных подушечек? — спросила я. — Я ведь про ярмарку совсем забыла и половину заказов ещё не упаковала. Но если бросить сюда сверху пару салфеток, никто до утра не догадается, что я сбежала от незавязанной коробки.

— Бери подушечки с собой, а заодно и всё, что не забрали, — предложила Мира. — На ярмарке будут мастера с обеих улиц, и кто-нибудь наверняка знает, где сейчас берёт заказы твой пекарь. А когда узнаешь, спросишь его сама, можно ли ему принести чай.

Мы уговорились встретиться у большого фонаря до рассвета, чтобы ей не пришлось нести чашки одной. Мира ушла за второй кипой салфеток, я сняла с двери объявление о мятных каплях и только тогда заметила у порога знакомую корзинку. Она стояла за доской с ценами, которую я прислонила к косяку снаружи.

Корзинка была пустая, а на ручке, где разошлись прутья, туго лежали три витка тонкой ивовой полоски. Я провела по ним большим пальцем и нашла снизу заправленный конец, гладкий и совершенно сухой. Тот, кто её починил, сначала вымочил полоску, чтобы она гнулась, и только потом дождался, пока та высохнет и стянет прутья.

Я сняла с косы зелёную ленту и завязала её на ручке там, где прежде боялась браться. Теперь за это место можно было поднять полную корзинку, сколько бы леденцов я в неё ни положила. Я забрала её домой и поставила у двери рядом с плащом, чтобы утром взять с собой на ярмарку.

Глава 2

На ярмарку я принесла лимонные подушечки, две банки мятных капель и корзинку с починенной ручкой. Корзинку Мира велела поставить возле кассы и складывать туда выручку, чтобы на столе осталось место для блюдец. К тому часу, когда мы развесили у входа связки сушёной мяты, я уже трижды переставляла её так, чтобы зелёную ленту было видно снаружи.

Наш шатёр стоял между пекарским рядом и дорожкой к озеру. Ветер с воды то наполнял полотняную стенку, так что она толкала меня в спину, то стихал, и тогда я слышала, как хозяин соседнего прилавка призывал покупать булки, пока целая ещё стоит столько же, сколько две половинки. Мира сказала, что при такой арифметике ему обязательно понадобится чай покрепче, и велела отнести ему кружку.

Пекаря звали Ладеном, и я уже встречала его у складов, где он покупал мак для плетёнок. Он принял кружку обеими руками, но отпить не успел, потому что к его прилавку одновременно подошли трое с детьми. Я вернулась в шатёр и до самого обеда почти не отрывала глаз от чашек, разве что по привычке поднимала голову, когда кто-нибудь спрашивал про хлеб.

За утренним наплывом пришло короткое затишье, и Мира отправилась за водой. Я вытирала клеёнку, когда из соседнего шатра вынесли на прилавок доску с горячим хлебом. Сперва я увидела руки, которые точно знали, где подхватить тяжёлую доску, чтобы буханки не сдвинулись, а потом заметила присыпанный мукой рукав и наконец добралась взглядом до лица.

Арктур успел за время моего разглядывания взвесить половину каравая, завернуть её и перехватить за локоть ребёнка, полезшего под прилавок за укатившимся медяком. Ладен отыскал монету в складке полотнища и кинул её мальчику, а Арктур подал его матери свёрток с той же улыбкой, какую я столько раз видела из своего окна. На мне был передник Миры с вечно сбивавшейся набок завязкой, и я неожиданно обрадовалась, что он пока меня не заметил.

Пока я обслуживала последнюю пару, которой понадобился один чай на двоих и две разные ложки, Арктур помог Ладену убрать доску с пустого прилавка. Затем он вымыл руки из кувшина, вытер их о полотенце и перешёл на дальнюю сторону ряда. Я схватила из корзинки последний кислый леденец, крикнула вернувшейся Мире, что скоро буду, и пошла за ним.

— Здравствуй, Арктур, — сказала я, когда поравнялась с ним у столба с ярмарочными объявлениями. Слово выскочило так легко, что я почти рассердилась на себя за оба утра, потраченные на подготовку. Потом я сунула руку в карман, потому что уже успела протянуть ему леденец обёрткой вверх, как сдачу.

— Здравствуй, Эйра, — ответил он. Он чуть отступил, давая нам обоим место у края дорожки, и посмотрел на мою ладонь. — Дай угадаю, это опять кислое яблоко, от которого язык ещё полчаса помнит, что у него есть края?

— Ты даже бумагу не развернул. Если это жалоба, я могу предложить тебе лимонные подушечки, их все хвалят и никто пока не жаловался на края языка. Но я видела, как ты ел орехи в сахаре, и у меня появились подозрения насчёт твоего вкуса.

— Яблоком пахнет сквозь бумагу, — сказал он и взял леденец. — И давно ты решила, что я люблю кислое? Тут важно знать, сколько раз до этого я ел из твоей корзинки с неподходящим выражением лица.

— С прошлогодней осенней ярмарки, где ты купил себе орехов и раздал весь мешок детям. Сперва я решила, что ты просто щедрый, а потом увидела, какое ты выбрал яблоко. На нём были такие пятна, что продавец наверняка отдал его тебе за полцены.

Арктур рассмеялся, глядя на леденец у себя в руке, и сказал, что ему пришлось заплатить за то яблоко сполна, раз уж он сам выпросил его из-под прилавка. Потом он разгладил бумагу на ладони и спросил, как поживает корзинка. Я ответила, что успела нагрузить её полными банками и что, если бы знала имя мастера, непременно сказала бы ему спасибо.

— Скажи, когда встретишь, — ответил он. У хлебных рядов звякнул колокол, и мимо нас потянулись мальчишки с подносами, освобождая место для дневной торговли. Арктур посторонился и спросил, есть ли у меня ещё немного времени, раз уж мы поздоровались.

Мы свернули за шатры, где торговцы сматывали верёвки и убирали утренние товары в ящики. Там можно было говорить, не повышая голоса, и сквозь доски ограды просвечивала озёрная вода. Я подождала, пока мы обойдём тележку с пустыми корзинами, и спросила, откроется ли его пекарня снова.

Арктур сунул леденец в карман и поправил манжету, к которой пристала мука. По тому, как он дважды провёл большим пальцем вдоль одного и того же шва, я поняла, что он услышал вопрос. Когда мы добрались до свободного с краю ящика, он опёрся на него и ответил.

— Моя пекарня больше не откроется. Тот человек, что приходил с Орвеном, измерял печь для описи, и теперь её вместе с помещением забрали за долг. Мне дали забрать вещи, только я до сих пор не решил, куда деть лопату такой длины, так что она пока у Ладена.

— Я видела печать и всё равно сегодня принесла леденцы, — сказала я. — Думала, если найду тебя, сначала спрошу, куда ты пропал, а потом скажу что-нибудь подходящее. Теперь мне хочется спросить, как это могло случиться, но я и так уже однажды пошла с вопросами к Орвену.

— Он сказал мне, что ты приходила. У моей семьи все деньги уходили в мельницу, а после двух неурожайных сезонов оказалось, что зерно надо покупать вперёд и платить вдвое больше. Я поручился за новый заём своей пекарней и действительно думал, что к осени у нас хватит муки и денег, чтобы разойтись с кредитором по-хорошему.

— Ты заложил всё сразу, даже печь? — спросила я. Её дверцу я видела раз сто, знала, как Арктур сначала приподнимал задвижку, а потом тянул на себя, чтобы та не звенела. Вдруг мне стало обидно, что какой-то человек мог глянуть на эту дверцу, записать две цифры и уйти, даже не дождавшись, пока испечётся хлеб.

— Без печи помещение оценили бы дешевле, а нам требовалась вся сумма. Сначала пришлось продать мельницу, и денег от продажи всё равно не хватило. Я до последнего надеялся выкупить хотя бы добро из пекарни, а когда увидел цифры, попросил Ладена занять меня чем угодно, лишь бы сегодня встать утром и знать, куда идти.

Я потянулась к карману передника, где носила свой кошель, и едва не выдала ему вслух всю сумму, отложенную за лето. Потом увидела, как он опять принялся тереть манжету и как он отвёл глаза, пока я думала, что сказать. Мне вспомнился мальчик у запертой двери, и я спросила Арктура, по чему там, в пекарне, он скучал сильнее всего.

— По первому надрезу на тесте, — ответил он, подумав. — Пока буханка подходила, я мог целый час ходить мимо неё и гадать, не тороплюсь ли. А когда лезвие входило, разрез раскрывался сам, и по нему я понимал, что всё сделал вовремя.

— Я часто за этим смотрела. Ты делал три надреза и чуть дольше задерживал нож над средним, а я у себя далеко не всегда могла дождаться даже того, чтобы сироп перестал пузыриться. В день, когда лавка не открылась, я уже приготовилась поздороваться и всё глядела, когда ты возьмёшься за нож.

Он поднял на меня глаза и спросил, всегда ли я стояла справа от окна, возле ступки. Я сказала, что стояла там, когда надеялась остаться незамеченной, и по его лицу прочла, с каким успехом. Тогда Арктур признался, что в ясную погоду замечал, когда моя тень ложилась на вывеску, ещё прежде, чем я высовывалась из окна.

Я засмеялась и только потом поняла, до чего мне хотелось снова услышать с его стороны улицы что-нибудь простое, вроде жалобы на погоду или просьбы подержать ставню. Арктур вынул наконец из кармана леденец и раскусил его, на этот раз заранее прищурившись. Из-за шатров донёсся Мирин голос, и мы обернулись разом, будто до этого стояли у одного прилавка и нас звали к покупателям.

Мира выглядывала из-за угла шатра с двумя кувшинами молока, а за ней уже собирались покупатели. Я вернулась к чайнику, Арктур поднял полное ведро с земли и спросил, куда его поставить. К тому времени, когда ярмарочные музыканты принялись настраивать скрипки, я ещё брала деньги за чай, а он уже знал, в каком ящике у нас лежали чистые ложки.

Последние лимонные подушечки Мира продала человеку, который попросил разделить их поровну на семь детей. Пока я подбирала седьмую, поменьше остальных, Арктур держал края бумажного пакета, чтобы у меня были свободны руки. Мне понравилось, что мы сумели справиться, ни разу друг у друга ничего не переспросив, хотя сегодня впервые услышали голоса друг друга вблизи.

— Теперь займёте мне место у танцевального круга, — распорядилась Мира, вытирая руки о передник. — У скрипачей стоят две скамьи, и если ждать, пока я отнесу чистые чашки музыкантам, туда успеют усесться все городские бабушки. Мне хватит краешка скамьи, а вы можете постоять рядом и заодно посмотреть, как люди пользуются ногами после целого дня на ногах.

Мы нашли место у края скамьи, но присесть не успели, потому что скрипачи вдруг перестали настраиваться и заиграли все разом. Люди вокруг нас задвигались, пропуская к кругу тех, кто уже знал шаги, и скамья тут же скрылась за чужими спинами. Я увидела, как женщина в рабочем переднике утащила туда мужа, всё ещё державшего в руке связку лука, и протянула Арктуру руку.

— Пойдём, пока Мира не вернулась и не сказала, что бережёт нам места до конца жизни. Положи руку мне на плечо, если здесь иначе нельзя, но за рукав не хватай. Я его дважды перешивала, и с меня хватит одного порванного фартука за эти дни.

— Так ты видела и фартук, — сказал Арктур, беря меня за руку. — Тогда предупреждаю, что в танцах я держусь с таким же достоинством, как у себя за столом. Если понадобится пригнуться под чужой рукой, сразу скажи, потому что с достоинством я ещё могу справиться, а с ростом уже ничего не сделаю.

На первый поворот места хватило, на второй нас подвинул тот самый человек со связкой лука. Арктур с таким видом пытался удержать правильный шаг, что я поверила бы, будто он на смотре у короля, если бы перед поворотом он не зашептал мне в ухо счёт. Мы оба шагнули на «три», хотя вокруг уже хлопали на «четыре», и он остановился посреди наступившей на нас толпы, смеясь над собой.

— Я ещё и кивнул скрипачу, будто нам с ним всё было понятно, — сказал он, утягивая меня из-под локтя нашего соседа. — Когда мы в следующий раз пройдём мимо, напомни ему, пожалуйста, что я пекарь. Пекарю простят, если он не умеет держать счёт дальше трёх.

— Одному пекарю за это ничего не будет, — сказала я. — А вот одна знакомая ведьма как-то перепутала сахар с солью, когда готовила подушечки на заказ для старшины. Он попробовал первую и, видимо, так испугался ведьминской вежливости, что доел её при мне и сказал, будто давно мечтал о чём-нибудь к пиву.

Арктур чуть не пропустил следующий поворот, потому что ему захотелось узнать имя старшины. Я пообещала назвать его, когда мы доберёмся до края круга, и в этот раз мы оба следили уже за чужими пятками, а не за скрипачом. Когда музыка стихла, мы стояли у самой скамьи, на которой сидела Мира и пила чай из той чашки, которую собиралась отдать музыкантам.

Она сказала, что если мы хотим подержать ей ещё какое-нибудь место, то просит начать с её собственного шатра завтра утром. Я помогла ей убрать кассу и укрыть кружки полотном, а Арктур тем временем успел к последнему лотку, где продавали яблоки в медовой корочке. Он принёс одно на двоих, и мы остановились у выхода, чтобы разделить его маленьким складным ножом, который у него оказался при себе.

Мёд ломался под лезвием и приставал к пальцам, а яблоко под ним было кислое почти до слёз. Арктур протянул мне половину побольше и подождал, пока я попробую, словно на этот раз кислое выбирал для меня. За нашими спинами уже гасили огни, но дальше, у воды, оставалось ещё несколько фонарей, и мы пошли за их отражениями вдоль ограды.

За оградой ярмарочный шум стал тише, и вместо скрипки я услышала, как у причала шлёпала о сваи вода. На последней скамье лежала забытая кем-то варежка, и я перевесила её на столб, чтобы хозяину было легче найти. Арктур сел с того края, откуда тянуло ветром, и оставил мне место ближе к ограде, за которой ветер стихал.

Я взялась было за складку на переднике и тут только заметила, что всё ещё хожу в Мирином, с кривой завязкой и мокрым пятном от чая. Арктур подал мне свой платок стереть с пальцев мёд. На одном углу платка было вышито что-то похожее на курицу с перепончатыми крыльями, и я спросила, правильно ли поняла рисунок.

— Это я, — ответил он с таким серьёзным видом, что я сначала ему поверила. — Младшая сестра вышила дракона с натуры, пока я спал после ночной выпечки, только про зубы в спешке забыла. Она говорит, в следующий раз добавит, если мне удастся задремать с открытым ртом.

Я отдала ему платок и спросила, давно ли он чинит ручки корзин. Арктур сказал, что впервые занялся этим, когда в детстве полез с хлебной корзиной на ограду и спустился с одной ручкой в руке. Он говорил, глядя на воду, и время от времени ёрзал на скамье, как будто ему было легче сесть вплотную к краю, чем перейти к тому, что он хотел сказать.

— Я ведь несколько раз собирался постучать к тебе с хлебом, — произнёс он наконец. — Однажды уже занёс руку над дверью, а из чайной вышли две женщины и стали ждать, откроешь ли ты мне. Я тогда поставил корзинку и ушёл, потому что ты им потом целый день продавала бы сладости и слышала, что они придумали на крыльце.

— Госпожа Тавен и так придумала, что я встаю до колокола ради тебя, — сказала я. — Даже зимой ставни оставляла открытыми, чтобы видеть, как ты месишь тесто, хотя мать назвала бы это отличным способом застудить сироп. Утром я могла закрыть их в любой момент, но обычно ждала, пока ты поставишь миску на полку.

У самого схода к воде служитель снял фонарь с крюка и погасил его, прикрыв ладонью от ветра. Арктур дождался, пока тот уйдёт по дорожке, и спросил, много ли я тогда тратила дров. Я ответила, что теперь, когда выяснилось, зачем я мёрзла, могла бы предъявить ему счёт за всю зиму.

— По счёту могу платить хлебом, если тебе подойдёт, — сказал он. — Только тебе придётся сказать, какой именно ты любишь, а то я всё это время угадывал по тому, как скоро возвращалась корзинка. Однажды ты держала её у себя три дня, и с тех пор я ни разу не клал в тесто тмин.

— Корзинка тогда стояла у Миры, потому что я унесла туда хлеб к обеду. Тмин мне как раз понравился, только корочку я люблю потемнее. И если тебе снова захочется постучать, можешь подождать, пока я открою, даже если на крыльце будет стоять госпожа Тавен со всем своим бельём.

На пристани погас последний фонарь, и по воде от него пробежал короткий отблеск. Мы встали, когда служитель позвал нас к выходу, и пошли обратно через пустые торговые ряды, где пахло золой и подмёрзшими яблоками. На тёмном спуске Арктур предложил мне локоть, а на ровном месте я сама оставила руку у него под локтем, потому что до моего дома было слишком близко.

У моего крыльца он подождал, пока я переберу в кармане монеты и найду ключ. На другой стороне тихо поскрипывала вывеска над запертой пекарней, и я поймала себя на том, что впервые после закрытия смотрела туда и не искала его за стеклом. Арктур стоял рядом, и

когда я посмотрела на него, он отступил на одну ступеньку, чтобы мне удобнее было открыть дверь.

— Если я снова предложу пройтись, ты пойдёшь? — спросил он. — Мне понравилось, что сегодня мы сперва поговорили, а потом уже нашли, куда идти. В другой раз я бы, пожалуй, оставил скрипачам целую площадку и предложил тебе прогуляться вдоль воды, где никто не будет считать шаги.

— Пойду, — сказала я. — Только яблоко теперь с меня, и выбирать я буду сама. Ты ведь дал мне повод проверить, найдётся ли на этой ярмарке хоть одно кислее твоего.

Он улыбнулся и подождал, пока я войду. Уже из прихожей я услышала, как за спиной у него скрипнула ступенька, и мне захотелось снова открыть дверь, хотя всё нужное на этот раз я успела сказать вовремя. Я поднялась к себе, поставила корзинку с зелёной лентой у стола и легла спать с уверенностью, что утром мне будет легче смотреть в пустое окно.

Наутро я встала до колокола и, ещё не успев застегнуть платье, подошла к окну. Пока я отодвигала ступку, мне мерещилось, что сквозь стекло сейчас увижу, как Арктур подсыпает муку на стол. Под опущенными ставнями напротив лежал жёлтый лист, и ветер переворачивал его с боку на бок, никак не решая, куда унести.

Я пошла вниз, открыла лавку и до первой покупательницы успела переставить три банки с леденцами. На нижней полке оставалось свободное место, потому что мятные капли почти все ушли на ярмарке. Я прикинула, сколько сюда влезло бы круглых буханок, и от неожиданности поставила полную банку прямо на прилавок, хотя каждый покупатель теперь мог дотянуться до неё локтем.

Вчера я чуть не достала кошель, когда Арктур рассказал о закладной. Теперь я вспомнила, как уверенно он принял у Ладена доску с хлебом, как открыл бумажный пакет и придерживал его для меня, пока я делила подушечки. Мне пришло в голову, что я могла предложить ему дело, в котором мне самой пригодилась бы ещё одна пара рук.

Когда ушли первые покупатели, я вытащила книгу расходов и подсчитала, сколько за обычный месяц тратила на дрова, бумагу и уборку. Потом отвела сбоку отдельную колонку под муку и стряхнула с разворота крошки прошлогоднего воска, державшие две страницы вместе. Сумма, которую я могла вложить для начала, оказалась скромной, но её хватало, чтобы попробовать несколько небольших партий и не задержать ни одной закупки сахара.

Я вынула из витрины подставку для больших банок и долгую минуту стояла с ней на руках, глядя на освободившуюся полку. Если на неё положить хлеб, горбушка окажется как раз на высоте, до которой дотянется мальчик в шерстяной шапке. Я убрала подставку под прилавок и пошла в подсобку к маленькой печи, которой мать когда-то пользовалась для пряников.

Печь стояла под старым чугунным чайником, давно служившим подставкой для совка. Я сняла чайник, вымела из устья пыль и попробовала пошевелить заслонку, которая двинулась только после второго толчка. У матери здесь помещались два противня, но я при всём желании не могла сказать, как печь держит жар после стольких лет простоя, и записала себе, что её первым делом нужно показать Арктуру.

Обратно к прилавку я вышла в саже по самые запястья. У двери как раз ждала госпожа Тавен, на этот раз с невесткой, и я продала им обеим мятных капель, хотя невестка поначалу просила одни яблочные. Когда они ушли, я вытерла руки, взяла чистый лист и впервые села писать Арктуру, зная, как он произносит моё имя.

Я предложила отвести часть прилавка под его хлеб и начать с пробного месяца. Написала, сколько готова внести на первые закупки, как можно делить выручку и что расходы мы запишем в одну книгу, которую оба сможем проверять. Отдельно предупредила, что после разговора с Орвеном знаю, чем грозит торговля через одну кассу, и хочу сперва обсудить с ним самим, как мы могли бы устроить дело.

Лист вышел похожим на письмо поставщику, которого я видела два раза в жизни и не хотела обременять фамильярностью. Я уже поднесла перо к подписи, но вспомнила, как у озера Арктур спросил, пойду ли я с ним ещё раз, и как просто мне было ему ответить. Тогда чуть ниже деловых строк я добавила: «Я соскучилась по твоему хлебу и по тебе».

Под последней строкой я поставила своё имя и дождалась, пока высохнут чернила. Через Миру узнала, что Ладен на ярмарке до полудня, и пошла туда сама с письмом под плащом. У хлебного шатра ему пришлось попросить меня придержать чашу весов, пока он вынимал из-под ножки застрявший шнур, и только потом я спросила, сможет ли он передать письмо Арктуру.

— Смогу, он ещё зайдёт за лопатой, — ответил Ладен и прочёл имя на сгибе. — Я всё думал, как он понесёт её один через ярмарку, никому не заехав рукоятью под рёбра. Теперь будет чем занять его руки хотя бы до выхода.

Пока Ладен убирал письмо под прилавок, я едва не попросила его отдать мне лист обратно, чтобы приписать, что ответ нужен не сразу. Потом женщина за моей спиной спросила про хлеб, и я посторонилась, давая ей подойти к весам. На обратном пути я купила на пробу два зелёных яблока и впервые за эти дни прошла мимо запертой пекарни, не сбавив шага.

Глава 3

В первый день после того, как я отдала письмо Ладену, у меня было столько работы, что я успела пожалеть о последней строчке только после обеда. До обеда я варила сироп, выковыривала из форм засевшие в ушах карамельных зайцев крошки и подбирала ленты к подарочным коробкам. Потом достала из кармана два зелёных яблока, купленных на ярмарке, и обнаружила, что одно всё это время лежало впритык к ключу и успело помяться.

Я съела помятое и оставила целое на блюдце возле окна. С улицы яблоко вряд ли было видно, зато я сама натыкалась на него взглядом всякий раз, когда шла от весов к витрине. К вечеру мне уже казалось, что последнюю строчку я написала только ради того, чтобы иметь возможность сказать себе, будто деловое предложение занимало меня больше всего.

На второй день я узнавала шаги раньше, чем видела человека. Медник по-прежнему шаркал левой ногой, госпожа Тавен задерживалась у порога ровно настолько, чтобы рассмотреть товары сквозь стекло, а племянник молочника наступал на одну и ту же расшатанную плитку и всякий раз пытался придавить её каблуком обратно. Звук шагов Арктура я знала хуже всего, хотя его бы и хотела услышать.

— Если ты будешь вытягивать шею при каждом скрипе двери, к вечеру придётся заказывать тебе воротник на палец шире, — сказала Мира, зайдя за мятными каплями. — Можно было бы, конечно, выставить на крыльцо табурет и ждать там с удобствами, только ты всем рассказываешь, что занята. Вот я и пришла посмотреть, чем именно.

— Сейчас я занята тем, что взвешиваю тебе мятные капли, — ответила я. — До этого считала, сколько времени ещё можно держать свободную полку в витрине. Если Арктур откажется, туда вернутся банки, и я наконец перестану каждый час стирать пыль с места, на котором ничего нет.

Мира попросила взвесить ей капли дважды, чтобы у меня наверняка было чем занять руки, и забрала свёрток, пока я соображала, стоит ли кидать ей вслед гирьку. Пару часов после этого я честно смотрела только на покупателей и даже пропустила проезд знакомой тележки. А перед самым закрытием по ступенькам без спешки поднялся человек, чьих шагов я прежде не слышала, потому что на ярмарке он почти не отходил от своего прилавка.

Это был Ладен, со сложенным вчетверо листом и пакетом маковых крошек, которые он велел попробовать со сладким сыром. Лист он положил рядом с пакетом, дождался, пока я нащупаю край бумаги, и попросил взамен две кислые конфеты для старшей дочери. Когда он ушёл, у меня на весах осталась гирька, хотя взвешивать я уже ничего не собиралась.

Арктур писал мелко и ровно, только у сгиба строчки вдруг потянулись вверх, словно там у него кончилось место. Он соглашался на пробный месяц, если его работу удастся оплачивать из выручки, а убытки мы с самого начала будем считать вместе. Под этим стояло, что первую партию он уже прикинул и готов принести расчёты, если я ещё не передумала.

Я перечитала письмо два раза и взялась складывать его по старым сгибам. Тогда и увидела на обороте две короткие строки, оставленные в самом углу, где до них добралась бы только хозяйка, собирающаяся спрятать бумагу. Арктур написал: «По тебе я тоже соскучился. Можно прийти завтра, пока ты ещё не открылась?»

Я оторвала чистую полоску от бумаги для свёртков, написала, чтобы Арктур приходил до колокола со двора, и прижала её гирькой, пока запирала кассу. Ладен ещё не успел уйти далеко, и я догнала его у большого фонаря, где он задержался поправить ремень на сумке. Он обещал передать ответ тем же вечером, а я только на обратном пути заметила, что по-прежнему держу в руке гирьку.

Дома я положила письмо возле целого яблока и убрала с кухонного стола всё, кроме двух чашек и тетради расходов. Подумала, что до колокола мне предстоит выяснить, сколько стоит

хлеб, когда считаешь каждый мешок муки и каждое полено. Потом передвинула вторую чашку поближе к себе, хотя за столом хватило бы места, чтобы поставить её напротив.

Со двора Арктур постучал трижды, с таким промежутком между вторым и третьим ударом, что я успела вытереть руки и пересечь кухню. Он стоял на пороге с весами под мышкой и прижимал к груди тетрадь в коричневом переплёте. Когда я отступила, пропуская его, на чашках весов тихо звякнули цепочки, и он прижал их ладонью, будто утром в моей кухне нельзя было шуметь.

— Я принёс расчёты на две партии, — сказал он, ставя весы на стол. — Одну можно сделать с запасом, если люди придут за хлебом по старой памяти, а вторую я считал на случай, если о нас будут знать только мы с тобой. Судя по твоей печи, о которой я пока знаю с твоих слов, я бы начал со второй.

— Тогда давай сначала решим, где покупать муку и за чей счёт уйдёт первая партия, если мы её испортим. К муке я могу приложить чай, он уже есть, и за него в тетрадь писать не нужно. А яблоко я оставила тебе, если вдруг окажется, что на цифрах мы застрянем до обеда.

Арктур посмотрел на блюдце, потом на меня и подвинул к себе чашку. Тетрадь он открыл на странице, где внизу уже была выведена цена одной буханки, а на полях стоял вопрос возле дров. Я показала ему свой расчёт и впервые увидела, как одна и та же работа выглядит, если считать со стороны теста и со стороны кассы.

Мы договорились закупить муку на пробу у торговки с общего рынка, которая продавала и мешками, и на вес. За запас, дрова и бумагу я платила из денег, отложенных на новые товары, а Арктур отвечал за замес и печь. Из выручки мы прежде всего возвращали расходы, после чего две трети остатка шли ему за работу, а треть мне за прилавок и торговлю.

— Если остатка не будет, неделю работаем так, как договорились, и потом снова садимся за стол, — предложил Арктур. — Если и тогда не сойдётся, любой может сказать, что пора остановиться, и второму придётся выслушать. Только запись сделаем общую, а то у меня уже был случай, когда мои долги видел кто угодно, кроме меня самого.

Я вписала это условие в тетрадь, подвинула её к нему и спросила, что будем делать с уставом. Печь вместе для пробы нам никто не мешал, а хлеб от драконьего мастера у ведьминской кассы Орвен мог посчитать общей торговлей. Мы договорились сперва проверить печь и попробовать испечь хлеб, а уж потом решить, что готовы сказать своим покупателям.

Потом я выдвинула ящик и достала ключ с круглой головкой, которым сама пользовалась, когда входила с мешками со двора. Я положила его между чашками и сказала, что ждать меня под дверью перед каждым замесом неудобно. Арктур дотронулся до ключа подушечкой указательного пальца, но с места его не сдвинул.

— А от этой двери можно попасть к тебе наверх? — спросил он. — Мне часто нужно прийти гораздо раньше колокола, и я не хочу, чтобы ты просыпалась от каждого шороха и гадала, где я сейчас. Скажи, какую дверь отпирает ключ и на какой мне положено стучать.

Я отвела его к повороту коридора и показала дверь на лестницу, которую запирала изнутри другим ключом. Из кухни можно было выйти во двор или пройти в лавку, а к моим комнатам годился только тот зубчатый ключ, что я носила в кармане. Когда мы вернулись к столу, Арктур поднял круглый ключ и попробовал на вес, словно до этого он мог оказаться тяжелее.

— Если явишься сюда с хлебом после закрытия, парадный вход всё ещё там, где был, — сказала я. — Госпожа Тавен в это время обычно ужинает, но ради нас, думаю, может отложить ложку. А с хозяйкой наверху можно договориться, особенно если принести хлеб потемнее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.